

*Е.П. МИХАЙЛОВ,
заведующий отделом
археологии ЧГИГН*

**МИХАИЛ СЕСПЕЛЬ:
НЕИЗВЕСТНАЯ СТРАНИЦА
(АПРЕЛЬ 1921 г.)***

**Найдена первая фотография с ликом поэта
чебоксарского периода жизни**

Не могу удержаться от добрых слов в адрес фотографии. Без нее наше представление о прошлом было бы значительно слабее и туманнее. Фотоснимки доносят непередаваемый аромат ушедшего, ставшего уже историей.

Открытие это из разряда случайных. Еще в начале прошлого года, помогая искусствоведу М.Г.Кондратьеву в расшифровке двух фотоснимков, при детальном рассмотрении одного из них мой взгляд задержался на человеке с папкой или книгой в левой руке. Лицо же его мне показалось очень знакомым. «Да это же Михаил Сеспель!» Радость большого открытия и невольное сомнение овладели мною. В такую удачу трудно было поверить.

Оба эти отпечатка поступили в научный архив Чувашского института гуманитарных наук в 1984 г. от проживавшей тогда в городе Горьком М.Г.Борисовой-Эльмень (вскоре она умерла). К сожалению, Матрена Григорьевна, сама сидящая в группе на одном из снимков, сдала их в архив почти без аннотации: «г. Чебоксары, позже 1922 г.». Фрагменты с них опубликованы в 1992 г. М.Г.Кондратьевым и Э.М.Юрьевым в буклете о композиторе Ф.П.Павлове, а датированы они «примерно 1921—1923 годами».

* Статья написана в апреле 1998 г.

Все известные нам прижизненные немногочисленные фотографии поэта выполнены в Тетюшах, Казани, Нижнем Новгороде, Евпатории и на Черниговщине. Тщательное сравнение с ними (в оригиналах и репродукциях), обращение к исследователям жизни и творчества Сеспеля подтверждают открытие оставшегося до сих пор неизвестным, ставшего первым его изображением в дни пребывания в Чебоксарах.

Общеизвестно, поэт жил в Чебоксарах с 30 августа 1920 г. по 12 мая 1921 г. Фотография же сама до предела сузила хронологические рамки поиска и облегчила дальнейшую разгадку тайн снимков. Запечатленные нарастающий снег в чебоксарских оврагах и ложбинах, яркое солнце, одежда собравшихся не оставляли сомнения, что это — весна 1921 года.

Нет возможности описать все перипетии установления истины. Это действительно было сравнимо с поиском иголки в стоге сена. И все же изучение многих государственных и личных архивных фондов, фотоколлекций, газет и журналов, беседы с современниками тех далеких лет, исследователями, краеведами позволили, наконец, прийти к неоспоримой дате.

Оба снимка сделаны в Чебоксарах в воскресенье 17 апреля 1921 года и связаны с торжественным заседанием «граждан на открытии Общества по изучению местного края в помещении Государственного Чувашского Театра». Основным подтверждающим документом является обнаруженный в Центральном госархиве Чувашской Республики протокол этого заседания. О составе участников заседания можно только догадываться и судить по фотографиям: это работники областных и городских учреждений, учителя, работники искусств, военные, учащая молодежь и даже дети. Создание Общества при Чувашском музее преследовало свои цели: «расшевелить массы, привлечь к созданию Центрального Чувашского музея и изучению местного края деятелей Чув. Автобласти».

Судя по документам и прессе того времени, собрания, нередкие в то время и в воскресные дни, начинались обычно в 12 часов дня. Вероятно, так было и в тот раз. Открыл торжественное заседание заведующий Чувашским областным отделом народного образования (облоно) И.Н.Яштайкин. По открытии заседания «хор певчих» (хор под управлением Ф.П.Павлова, состоявший в большинстве своем или исключительно из девушек Чебоксарских педкурсов и Музыкальной

школы) исполнил «Интернационал» на чувашском языке. Избирается президиум: Д.С.Эльмень — председатель Чувобл-исполкома, И.Н.Яштайкин, Н.П.Неверов — заведующий Чувашским центральным музеем, К.А.Кадушин — председатель областной ЧК, С.П.Павлов — руководитель Чебоксарских педкурсов. Секретарями стали Ф.Т.Тимофеев (Тимухха Хветёрё) — председатель переводческо-издательской комиссии при облоно и Н.А.Алексеев — заместитель председателя облоно. Затем был принят порядок дня: три доклада, выборы в Совет Общества и текущие дела.

Первым выступил Д.С.Эльмень с докладом «История чувашского народа». Интересна его оценка, данная И.Я.Яковлеву: «Деятельность Ильминского — русификаторская с целью эксплуатации, помощник его — Ив. Як. Яковлев; нет худа без добра: благодаря их работе создалась азбука чувашская, литература и религиозные книги. Чувашаи оправославились. Чувашская интеллигенция... вместо технической работы ударились в поповство».

Н.П.Неверов в информационном докладе «Музейное строительство в РСФСР и Центральный Чувашский Музей» изложил свое видение целей и задач «новых» музеев. Третьим перед собравшейся публикой выступил И.Н.Яштайкин с темой «Цель и задачи Общества по изучению местного края».

Нужно отметить, что прений по докладам не было. Далее, судя по протоколу, включенные в повестку дня выборы в Совет и «текущие дела», по предложению Д.С.Эльменя, были отложены. Было сообщено, что желающие записаться в члены Общества приглашаются в здание облоно (на Красной площади), и Эльмень объявил о закрытии торжественного заседания. Можно предположить, что опять был исполнен «Интернационал» (записи в протоколе нет).

Фотограф Михайлов

Дальнейшие события происходили уже вне протокола. Участники исторического заседания сфотографировались в зале театра, а затем на улице, расположившись на площадке перед театром. Происходило это, судя по отражениям и теням, после 14 часов (проверено на месте). Конечно, тогда цена фотографу была другая, чем сегодня. В то время Чебоксары по развитию кинематографа и фотографии не шли в сравнение

даже с Алатырем, не говоря уж о Казани или Симбирске. В таком еще недавно уездном городишке мастеров называли не иначе как «Граф Фото». Сегодня мы с большой долей вероятности можем назвать и фотографа, запечатлевшего это событие, М.Сеспеля и других известных и неизвестных. Это штатный фотограф фото- киносекции подотдела искусств облоно Федор Николаевич Михайлов. К сожалению, у нас еще слабо изучена история развития фотоискусства. О Ф.Н. Михайлове нам пока известно только то, что он имел к 1921 г. пятилетний стаж работы, вероятно, фотографической, сильно болел. Лучшие фоторепортеры всегда были профессионалами, великолепно владели примитивной техникой, были отменными организаторами. Возможно, таким мастером был и Ф.Н.Михайлов. Возглавлял же эту секцию Павел Евгеньевич Мартэнс, выпускник Московского художественного училища.

Фото- киносекция еще в 1920 г. приступила к оборудованию в городе фотомастерской. При ограниченном обеспечении фотопластинками, реактивами и другими трудностями задача перед фотографом ставилась «непосредственно в области искусства», снимать очень оригинальные костюмы и предметы старины чувашей, исторические места и памятники, театральные постановки и т. п. Рассмотренные 2 снимка от 17 апреля из этой же серии, посвященные важным собраниям. К июню 1921 г. фото- киносекцией было произведено, как отмечено в документах, всего 75 снимков.

Д.Эльмень и другие

Члены президиума заседания и несколько присоединившихся к ним высоких чинов как в зале, так и на улице перед зданием театра перед объективом фотоаппарата расположились строго по существовавшей иерархии (в центре — Д.С.Эльмень, а по сторонам другие руководители). «Хор певчих» и рядовые участники расположились за ними. На «уличном» фотоснимке сидят справа налево от нас: неизвестный (на коленях) из публики, Ф.П.Павлов, С.П.Павлов, И.А.Кадушин, Д.С.Эльмень, И.Н.Яштайкин, Н.П.Неверов, один из двух последующих, по нашему предположению, Н.А.Алексеев (родился в 1880 г. в д. Кудемеры нынешнего Козловского района), другая личность пока не установлена, крайний слева от нас соратник Д.Эльменя, в то время пред-

седатель Облполитпросвета Лев Миронович Лукин. Ф.Т. Тимофеев стоит за «президиумом», условно, за Н.А. Алексеевым, в шинели, прикрываясь левой ладонью от бьющих в лицо ярких лучей солнца. Данные об установленных лицах вполне соответствуют содержанию протокола, что еще раз подтверждает дату 17 апреля 1921 г.

Незавершенность торжественного заседания в здании Чувашского театра можно объяснить по-разному. Из газет того времени узнаем, что на 17 апреля было назначено открытие Беспартийной крестьянской конференции, где, вероятно, должны были участвовать Д.С.Эльмень и другие высокопоставленные лица. Можно также предположить и следующее: в тот же день, судя по опубликованному отчету Общества изучения местного края за 1921—1923 гг. (Чебоксары, 1924), состоялось другое (вероятно, не в Чувашском театре) торжественное заседание, где участвовали «представители местной власти, разных учреждений, преподавательский персонал большей части учебных заведений и многочисленная публика». Открыв заседание, Д.Эльмень выступил «с воодушевленной речью, в которой выяснял цели, задачи и значение предстоящих научных изысканий в области чувашеведения, и объявил Общество открытым. По предложению избранного председателем собрания Н.П.Неверова, был прочитан утвержденный устав Общества, и была открыта запись для желающих вступить в число его сотрудников, с указанием области, в которой каждый хотел бы работать. «Таких оказалось 51 человек» (список хранится в архиве). После этого состоялись выборы Совета Общества в составе председателя, трех членов и секретаря.

Из мочальных складов — театр

Несколько слов о здании Чувашского государственного театра, где происходило торжество открытия Общества. После образования Чувашской автономной области начались поиски подходящего дома для Чувашского государственного театра. О строительстве новых зданий в то время не могло быть и речи. Для переоборудования под театр режиссер И.С.Максимов-Кошкинский и руководство области выбрали кирпичные мочальные склады купца Хлебникова. Для расчистки складов и переоборудования проводились постоянные суб-

ботники. В них, по воспоминаниям М.Г.Борисовой-Эльмень, активно участвовал и М.К.Кузьмин-Сеспель. Открытие же театрального здания состоялось 12 февраля 1921 г. Зал вмещал 600 зрителей, располагавшихся на скамейках в 23 ряда. Пол в первое время был земляной. Электроэнергия подавалась в театр с завода №15, владельцами которого недавно еще были купцы Ефремовы.

Оформлением сцены занималась секция изобразительных искусств во главе с художником М.С.Спиридоновым (присутствует на общей «уличной» фотографии). На фотографии в зале театра видим украшение задней стены, выполненное в виде большого сурбана с лозунгом «Пётём тёнчери пролетарийсем, пёрлешёр!» («Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»). Просматривающаяся на стене дверь, вероятно, является дверью кинобудки. Кстати, кроме театральных постановок чувашской и русской трупп здесь в 1920-х гг. проводились и киносеансы (с 3 марта по 1 мая 1921 г. — 37 киносеансов), устраивались концерты, различные собрания и другие мероприятия.

Председатель ЧК жертвует музею картину И.И. Левитана

Когда я только начинал изучать в архивах «время Сеспеля», казалось странным присутствие на торжественном заседании председателя областного ЧК. Ныне же этот вопрос так не выглядит. Иван Андреевич Кадушин заменил в конце ноября 1920 г. на посту председателя ЧК Г.Гайдученко-Гордона, обвиненного в присвоении имущества. До приезда в Чувашию Кадушин успел поработать председателем Витебской, Уральской, Оренбургской губернских ЧК. В Чувашии отличился, руководя подавлением «чапанного» выступления в январе—феврале 1921 г. Был организатором отрядов особого назначения. Что для нас интересно и важно, он становится активным участником различных культурных мероприятий. Роль областного ЧК и И.А.Кадушина отмечена в отчете Областной секции по делам музеев и охраны памятников искусства, старины и природы ЧАО с января по апрель 1921 г., написанном Н.П.Неверовым: «Громадное содействие в охране и собирании экспонатов оказывает обчека: 1) многие сотрудники обчека принимают живое участие в работе секции;

2) много экспонатов представлено в Центр. Чув. музей, так, напр., старинная монета, украшения чуваш, картины и проч.; 3) очень помогает в налаживании технических оборудований; 4) сам председатель обчека т. Кадушин принял самое живое и деятельное участие в Коллегии музейсекции и комиссии по охране памятников. Его знания по раскопкам и определение древностей оказывают существенную помощь секции; 5) наконец, обчекой разослано к уполномоченным обчека циркулярное письмо, которое предлагает им взять на учет и охрану все памятники искусства и старины тех мест, где они проживают и работают».

Пользуясь своим положением, И.А.Кадушин привлек к музейной работе и охране памятников силы уездных и волостных чекистов. Знаменательно, что он пожертвовал тогда Чувашскому центральному музею известную картину И.И.Левитана «Одуванчики» (1889 г.), хранящуюся ныне в Чувашском государственном художественном музее. Председатель обчека являлся также уполномоченным по оборудованию типографии в Чебоксарах, возглавлял техническую комиссию по устройству первомайских торжеств 1921 г. и т.д. В августе 1921 г. И.А.Кадушин выехал из Чувашии.

Активное участие И.А. Кадушина, работников ЧК и, вероятно, бойцов батальона ЧК на заседании 17 апреля в связи с изложенным выглядит вполне логичным. Нелогичное уже в последующем. В 1921 г. чекисты во главе с председателем обчека закладывали основы Общества изучения местного края, в 1930-х гг. не без активной деятельности чекистов данное Общество было признано «буржуазно-контрреволюционной националистической организацией». Пострадало немало бывших его членов (М.П.Петров-Тинехпи, С.М.Максимов, Ф.Т.Тимофеев, П.И.Иванов и многие другие), в том числе основатели Общества, члены Президиума заседания 17 апреля 1921 г. Н.П.Неверов и С.П.Павлов.

Сеспель: «Я теперь не живу. Так себе...»

Незадолго до описываемого дня М.Сеспель сильно болел. Сказывалась, конечно, полуторамесячная отсидка в ЧК, которая размещалась тогда в зданиях нынешнего завода «Чувашспирт» (улица К.Иванова). Здесь же он совершил неудач-

ную попытку самоубийства (съел серу спичек). В сырых подвалах развился туберкулез костей ног. 7 февраля 1921 г. его выпустили до суда на поруки товарищей, но запретили выезд за пределы города. Лишь с середины марта он начинает работу в переводческо-издательской комиссии при облоно. Пока нам известно, что здесь он переводил на чувашский язык «Хаджи Мурат» Л.Н.Толстого, готовил сборники своих стихов и чувашских поэтов. Кстати, вместе с Сеспелем на постоянной основе в комиссии работали Наум Андреевич Андреев (в будущем известный языковед под псевдонимом Урхи) и Ф.Т.Тимофеев (Тимухха Хветёрё), который формально числился заведующим комиссией, но был перегружен преподаванием чувашского языка на педкурсах и в Партийно-советской школе. Надо отметить, что Сеспель и Урхи, в отличие от Ф.Т.Тимофеева, не пользовались «ударными» пайками, которые были положены только школьным работникам. Комиссия переводила на чувашский не только книги, сотрудники «отвлекались» на переводы различных штампов, печатей и вывесок для учреждений области. Пережитая несправедливость по отношению к себе, к простым крестьянам (почему-то старались не замечать, что поэт находился в застенках во время жестокого подавления так называемого «чапанского» восстания) не могла не сказаться на его душевном и физическом состоянии. Настроение было подавленное. К сожалению, не сохранились дневниковые записи М.Сеспеля после ареста. Однако оно хорошо прослеживается по его письмам к А.П.Червяковой: «Я живу в какой-то конуре, одет в лохмотья, хожу в лаптях... Ничем не воодушевляюсь, только чувствую позор, висящий надо мной... Я лежу больной... Часто, когда пишу, даже ручка выпадает из рук. Это не от небрежности. Сил нет совершенно... К бывшим товарищам по работе не хожу... Теперь, наверное, никто не хочет знать меня. Жду суда. Повеситься бы, повеситься... Сильно болен» (письмо от 14 апреля).

15 апреля М.Сеспель уничтожает письма к нему от Червяковой, по ее просьбе. В тот же день он узнает о своем «деле»: «Чека вынесла мне приговор трехгодичного тюремного заключения. Но приговор в силу почему-то не ввели, а дело передали в Ревтрибунал... Бюрократия нарушителей своей морали мстит очень утонченно. **Но я горд тем, что бюрократом никогда не был. До конца был коммунистом.** А теперь ничто.

Ничем не интересуюсь. Политику забросил. Советскую работу тоже. На партийные собрания мне ходить запрещено (отобранный при аресте партийный билет до трагической смерти на Украине в июне 1922 г. он так и не получил. — *Е.М.*)... Такая тоска. Ни одного ведь человека — близкого, родного... Я — мечтатель, идеалист, растяпа. Идеализм в нашу эпоху преступление... Я теперь не живу. Так себе...».

16 апреля, т.е. за день до описываемого нами заседания, М.Сеспель пишет: «Сегодня чувствую себя поправившимся. Встал в 2 часа ночи. Чувствую себя бодрым. Может быть, Вас оскорбили мои письма. Это вернее всего... Как дерзко я писал... Нуся, не мог я писать по-другому. Нужно знать психологию человека после долгих дней обезвоженной жизни, и, вдруг, получив такую бесконечную радость, сердце зажглось весенним счастьем, захотелось жить, все существо было полно желанием волнений».

М.Сеспель 17 апреля 1921 г.

Не зря говорят, что фотоснимки — беспристрастное зеркало, в котором отражается истинное положение в душе человека, как и в целом обществе. У Сеспеля, расположившегося среди участников заседания, возможно, знакомых ему, — уверенный, гордый и серьезный взгляд в сторону фотокамеры. В левой руке поэта какие-то бумаги. Возможно, это рукопись перевода «Хаджи Мурата», а, может, там таятся приготовленные для отправки письма к «любимой Нуся». Об этом мы вряд ли когда уже узнаем. Видим и скромную одежду поэта: гимнастерка, фуражка, скрывшая от нас его длинные волосы. Сеспель не любил носить короткую стрижку. Через месяц после данных событий в письме к Червяковой из Нижнего Новгорода 15 мая, перед отправкой на курорт в Крым, он пишет: «Лежу в госпитале. Волосы остригли, были длинные-предлинные, короче 2-х аршин, вернее, сажени (здесь Сеспель шутит и нарочно преувеличивает. — *Е.М.*) ни одного волоса не было. Жалко, да что поделаешь. Полтора года растил — и нет их». Об обуви поэта, мы уже знаем из письма, наверное, не ошибемся, если предположим, что и здесь он в лаптях. Кстати, одновременно веселое и печальное поведал о лаптях и Сеспеле его друг П.С.Слесарев, вспоминая встречу с ним в апреле 1921 г. Из разговора о предьявленном

в ЧК обвинении в национализме Слесарев запомнил, что обвинение поэту связывалось с тем, что он носил лапти, будучи председателем Облревтрибунала. Ему, будто, следователи задавали вопрос: «Почему Вы — председатель Трибунала — ходите в лаптях?» — «Лапти — наша чувашская национальная обувь, она очень удобна в носке», — ответил Сеспель.

При описании его внешнего облика мы, конечно, не «открыли Америку». Надо заметить, что образ поэта в различных публикациях иногда сильно искажен руками ретушеров. Мы только можем подтвердить правильность характеристики, данной его друзьями и современниками. П.С.Слесарев вспоминал: «Миша Сеспель был среднего роста, с мускулистым типично чувашским лицом. Носил длинную черную шевелюру гладких черных волос. Светлые, проникновенные глаза его с чуть-чуть лукавой улыбкой горели любовью к людям, к природе». Н.Т.Васянка заметил о нем: «В памяти встает живой образ поэта, жгучие глаза, самоуверенные энергичные движения, серьезное смугловатое лицо. Простота и искренность в обращении».

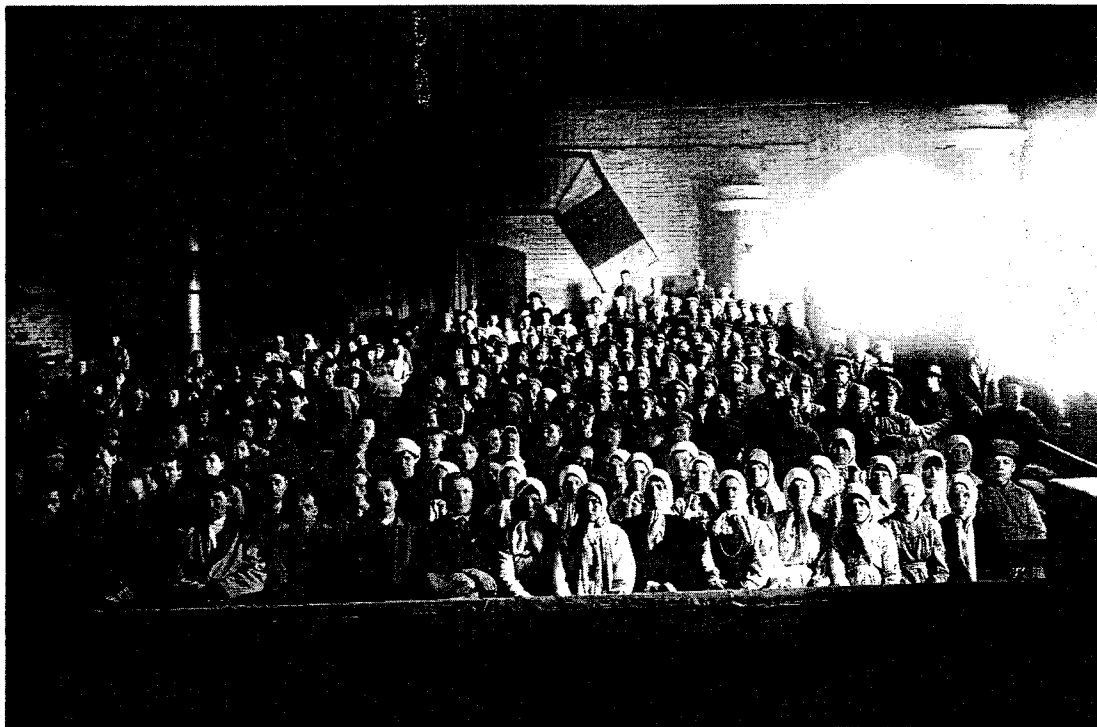
Если учитывать подавленное настроение поэта, трудно было ожидать от него восторг от происходящего вокруг торжества, хотя и понимал значимость создания такого Общества. С другой стороны, здесь он мог присутствовать и по долгу службы, являясь штатным работником переводческо-издательской комиссии при облоно.

«Высшим чиновником» в области являлся Д.С.Эльмень. Нам, к сожалению, мало что известно о взаимоотношениях Эльменя и Сеспеля. Это — тема для специального рассмотрения. Об отношении Д.С.Эльменя к поэту мы можем судить по воспоминаниям жены М.Г.Борисовой-Эльмень: «В беседах со мною в 1921—1922 гг. и позже Даниил Семенович Эльмень неоднократно очень высоко отзывался о Михаиле Кузьмине-Сеспеле, оценивая его как весьма талантливого чувашского поэта. Он так и говорил: «Сеспель Мишши очень хороший поэт. Такие поэты и писатели весьма нужны нам, чувашам». Высказываний его о Кузьмине, как работнике, я что-то не припоминаю... В отзывах (Эльменя. — *Е.М.*) о Кузьмине-Сеспеле я никогда не чувствовала какой-либо нотки недовольства или неприязни к его личности».

На вопрос, присутствовал ли на торжественном заседании в театре М. Сеспель, утвердительного ответа пока у

Участники торжественного заседания перед зданием Чувашского театра. 17 апреля 1921 г.

Участники торжественного заседания в зале Чувашского театра.

нас нет. Список присутствовавших не составлялся. Не разыскали мы его на снимке, сделанном в зале со сцены. К сожалению, при отсутствии широкоугольного объектива и маленькой сцене Ф.Н. Михайлов не смог охватить в одном кадре весь зал, а именно сидящих на крайних сидениях. Надо допустить, что поэт оказался именно там. В то же время нельзя исключить то, что он мог присоединиться к фотографирующейся толпе уже на улице перед театром. Что же касается описанного выше заседания с выборами Совета Общества, не обладая документами, нет нужды пока строить предположения о присутствии там Сеспеля.

Сложным для разгадки будет и вопрос, видел ли снимки от 17 апреля сам поэт до отъезда из Чебоксар.

Нахождение под следствием, присутствие на заседании председателя ЧК, других чекистов, «чиновников» значительно осложняло отношение Сеспеля к созданному Обществу. Нет сомнения, что в другой ситуации он с радостью одним из первых записался бы в число краеведов. Однако его фамилии в списке записавшихся в Общество не обнаружили. Возможно, на то были и другие причины.

В субботу 23 апреля поэт пишет в Облисполком заявление с просьбой разрешить отпустить ему «на изготовление кафтана 10 аршин (около 7 м — *Е.М.*) мануфактуры и на подкладку, а также двух катушек ниток». Каково же было тяжелое положение, если такой мелкий вопрос рассматривался на заседании президиума Облисполкома под председательством Д.С.Эльменя. 28 апреля было принято постановление:

«Принимая во внимание заслуги гр. Кузьмина как даровитого переводчика, отпустить ему необходимый материал на 2 пары белья, на верхнее платье и кожаную обувь». Выписка же из постановления «члену пер.-издат. комиссии т. Кузьмину» была вручена лишь 6 мая. До отъезда на лечение в Крым поэт все же смог избавиться от «лохмотьев» и обновить свою одежду. Надо думать, поехал он в Крым не в лаптях...

«Белые пятна» и их устранение

Все-таки хорошо, что существует фотография, сохраняющая в своей статичности те моменты, ту жизнь, о которых начинаешь задумываться только тогда, когда рассматриваешь такие, как эти 77-летней давности снимки.

Михаил Сеспель. 17 апреля 1921 г.
(фрагмент групповой фотографии).

Я не сомневаюсь, что найдутся со временем еще несколько фотографий М.Сеспеля. Ведь до сих пор неизвестна судьба двух пакетов с фотокарточками, дневниками и другими документами, которые решением Ревтрибунала ЧАО в августе 1921 г. было решено вернуть после суда поэту. Однако он их так и не получил.

Хочется выразить огромную благодарность всем, кто помогал нам в нелегких поисках и сборе материалов: работникам Центрального госархива и Книжной палаты ЧР, а также Р.А.Верхилеевой, М.Г.Кондратьеву. Особая благодарность фотографу В.Г.Кириллову.

На наш взгляд, научная биография Сеспеля не должна быть сведена к перечислению анкетных данных. Периоды его жизни, в особенности чебоксарский, должны быть заполнены живым материалом, новыми фактами, наблюдениями, описаниями того, что переживала страна, Сеспель и его современники. Есть еще «белые пятна» в жизни поэта, многое еще скрывается на полках различных архивов (открытых и закрытых фондов). Поиск труден, но он необходим.